

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245>

Научная статья / Research article

Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований

Н.Л. Пушкарёва

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32 а; pushkarev@mail.ru

The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies

Natalia L. Pushkareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology;
32 a, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia; pushkarev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются качественные изменения в исследованиях автобиографий в исторических трудах. Автор фокусируется на значимости гендерных исследований в области сложных взаимосвязей между различными подходами, в том числе на философском, психолого-лингвистическом пути анализа жизненных историй вообще и женских автобиографий в частности (в том числе с применением теории женского письма, созданной французскими феминистскими философами), анализирует старую и новейшую литературу в области автобиографических исследований. Гендерный подход к анализу эгодокументов позволяет сделать вывод о том, что мужчины меньше сообщают о своей семейной и частной жизни и склонны придавать этой жизни иной смысл и место в системе ценностных иерархий. Вторым выводом при сопоставлении мужских и женских автобиографий – индивидуализированность и независимость репрезентации своего «я» в рассказах о жизни. Аналитики подчеркивают, что при сборе материала о мужских жизнях имеет значение и пол самого собирателя рассказов. При рассказе интервьюеру-женщине рассказчик излагает те же самые жизненные события по-другому, нежели интервьюеру-мужчине. У мужчины-аналитика при чтении эготекстов немедленно возникает мужская общность и, одновременно, типичные для отношений мужчин иерархии.

Ключевые слова: автобиография, женщины, гендер, гендерная история, методология истории, биографические исследования, психология памяти, историография

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Грант РФФИ 19-01-00191.

Для цитирования: Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245>

Abstract: Heuristic value of autobiographies for specialists in gender and female studies (based on the comparison of theoretical results of Russian and international autobiographical studies). The article discusses the qualitative changes in the study of autobiographies in historical works. The author focuses on the importance of gender studies in the field of complex relations between various approaches, including the philosophical, psychological, and linguistic way of analyzing life

histories, in general, and women's autobiographies, in particular (which comprises using the theory of female writing created by French feminist philosophers), as well as old and recent literature in the field of autobiographical research. The gender approach to the analysis of documents makes it possible to conclude that men report less about their family and private life and tend to give this life a different meaning and place in the system of value hierarchies. The second conclusion when comparing male and female autobiographies is the individualized and independent representation of the ego in life stories. Analysts point out that when collecting material about men's lives, it is the gender of the story collector that is important. When talking to a female interviewer, the narrator presents the same life events in a different way than to male interviewer. When reading an egotext, a male analyst immediately forms a male community and, at the same time, hierarchies typical of relations between men.

Keywords: autobiography, women, gender, gender history, history methodology, biographical research, memory psychology, historiography

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian State Research Foundation (RFFI). Project № 19-01-00191.

For citation: Pushkareva, N.L. The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 214–245. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-214-245>

Введение

Отношение к автобиографиям, мемуарам и иным *ego*-документам может быть двояким: как к носителям информации о прошлом и как самостоятельному явлению духовной культуры. Историки, традиционно обращавшиеся к мемуарам как к документальному источнику, отмечали в жизненных историях прежде всего их утилитарное для их исследований значение. Для историка любые мемуары или автобиография – обычный нарративный источник, не всегда точно фиксирующий событие. В этой «неточности» можно обнаружить истоки типической для исследователей прошлого пренебрежительности к эгодокументам, явленное в следующем высказывании Л. фон Ранке: назначение автобиографии – «в том, чтобы разъяснять личные связи; историк должен быть осторожен, чтобы не дать воспоминаниям увлечь собою, он обязан абстрагироваться от перипетий личной жизни, о которых в них сообщается»¹. Художественный уровень мемуаров, психологизм автобиографий и личных записок тем более не интересовал исследователей-историков, считавших, что эти аспекты – поле работы литературоведов. Отлично помня источниковедческие установки полувековой давности, историки видели в автобиографиях лишь вспомогательный эмпирический материал, социальная функция которого весьма субъективна². Субъективность (в терминах выдающегося источниковеда эпохи стагнации А.Г.Тартаковского – «личностное начало как структурообразующий принцип»), ретроспективность (или «двойное зрение») и память как показатель избирательности фиксации материала – вот, считалось, главные черты эгодокументов³.

¹ L. von Ranke, *Denkwürdigkeiten der Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg (1793–1813)* (Berlin: Dunker & Humblot, 1877. Bd. 1), X.

² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. С. 28.

³ Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск: Наука и техника, 1986. С. 10; Тартаковский А.Г. 1812 год... С. 27; *Его же*. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 2–3 (Февраль–март). С. 38.

Десятилетиями работе с таким видом исторических источников, как *его*-документы, историки учили молодое поколение аналитиков проводить различные аналитические операции. К ним относились: (1) проверка отображенности *исторической обстановки* – того времени, когда был создан текст, (2) верификация *достоверности* сообщаемой в источнике информации, (3) *аттрибутирование*, (4) исследование возможности для автора преодолеть *преграды цензуры* (тексты не для печати, для служебного пользования, учет существования «внутреннего редактора» при подготовке текста в обнародованию и проч.), (5) выявление *привлеченных источников* (материалов прессы, современных описываемым событиям, собственных дневников, когда писались воспоминания – так называемых «опор памяти»⁴), (6) *кросс-текстуальные* (кросс-мемуарные) сопоставления и, наконец, (7) анализ *степени беллетризации*, которая – как тогда настаивали обучающие – всегда выше «у более публичных персон», стремящихся обобщать, типизировать виденные ими явления⁵.

Советское источниковедение при всех его неоспоримых заслугах отличалось стремлением навешивать ярлыки на автора текста. Учебники нацеливали молодых специалистов на обретение умения «давать *характеристику личности мемуариста* (кругозор, чувство такта, способность правильно понимать значение событий)», «менять воззрения в течение жизни), обучали навыку диагностировать, «с каких *идейно-политических позиций выступал мемуарист*» или создатель иного автодокументального текста, «в чью пользу» писался текст⁶, что двигало его создателем – «любовь или ненависть» к изображаемому⁷. На основе более, чем субъективных оценок и взглядов самой исследовательницы (или исследователя), им предлагалось провести ранжирование создателей автодокументальных текстов – от «выдающихся исторических личностей, сумевших отразить мысли и переживания многих людей» до людей рядовых, а потому... не слишком интересных⁸. Любопытно, что в работах более далеких от идеологии исследователей мемуаров (например, литературоведов) также было заметно стремление ввести понятие «более» или «менее» ценных текстов воспоминаний, выстроить иерархию от «мемуарной классики» до воспоминаний обычных людей – причем сделать это на основе выявления «меры объективности» и «степени общественной ответственности»⁹.

Явная «подозрительность» исследователей к таким источникам личного происхождения, как воспоминания, записки, мемуары выражалась в том, что правовым, нормативным, статистическим документам, созданным хронологически одновременно с описываемыми в мемуарах событиями, всегда отдавалась предпочтение как к более объективным и нужным для ученого. Именно поэтому мему-

⁴ Фридлов Ф.Ф. Литературные силуэты // Новое словѣ. 1914. № 1. С. 68.

⁵ Голубцов В.С. Мемуары как источников по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970. С. 111.

⁶ Бушканец Е.Г. Мемуарные источники. Казань: Казанский пед. институт, 1975. С. 23

⁷ Макашин С.А. Предисловие // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1957. С. 6.

⁸ Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970. С. 44.

⁹ Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. М.: Советский писатель, 1981. С. 377.

арные и автобиографические источники десятилетиями оценивались в нашей науке лишь как вспомогательные и дополнительные¹⁰. «Непосредственные свидетели возникновения документа лучше могут истолковать его букву, нежели люди, подходящие даже к своим документам, но через ряд лет, с настроениями и представлениями, каких не было у них в ту минуту, когда документ возник»¹¹ – именно с такими предубеждениями относилась к автобиографическим источникам советская историческая наука, изучая эго-документальные тексты.

Запись жизненной истории – уже социальный поступок

В последнюю четверть века отношение к описаниям своих «жизненных историй» изменилось. Современные авторы понимают, что тексты мемуаров или воспоминаний – это не только «словесная конструкция, но и социальный поступок, включающий текст в данность человеческих отношений: обещая свидетельствовать о том, что случилось, пишущий вмешивается в отношения между людьми»¹².

Теперь уже понятно, что спорное и недостоверное в мемуарах объясняется не только несовершенной работой памяти или умышленными умолчаниями и искажениями. Некий элемент недостоверности априори заложен в самом существовании произведений мемуарной литературы. Совпасть у чистых мемуаристов может только простейшая информация (имена, даты и т.п.); за этим пределом начинается выбор, оценка, точка зрения¹³; у каждого автора имеется внутренняя установка на подлинность, как бы договор с читателем, которому предлагается невымышленная проза. Современная финская исследовательница И.Л. Савкина верно подчеркивает, что эти установки на подлинность исторически изменчивы и зависят от идеологических, исторических, культурных, этнографических, национальных, гендерных и множества других конвенций, «актуальных для автора сознательно или бессознательно»¹⁴.

Интерес гендерологов и историков женщин к жизненным историям и разного рода к документальной прозе прямо касается споров о том, принадлежат ли анализируемые ими тексты художественной литературе или стоят на грани между документами и литературой. Споры эти развернулись в российском литературоведении в годы стагнации, когда нужно было осмыслить огромный поток мемуарных текстов, буквально заваливших поле научных исследований¹⁵. Каждый обратившийся к ним

¹⁰ Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. М.: МГИАН МВО СССР, 1959. С. 5–6; *Его же*. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М.: Высшая школа, 1961. С. 11–14.

¹¹ Покровский М.Н. Мемуары участников революции // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 8.

¹² Лежён Ф. Сто лет борьбы с автобиографией // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 111.

¹³ Кестен С.А. Повествовательный стиль автобиографических произведений Рене. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. Ташкент: Изд-во Ташкентского университета, 1970. С. 10–11; *Елчинова М.* Автобиографичният разказ като самопредставяне // Българский фолклор. 1994. № 6.

¹⁴ Савкина И.Л. Автодокументальные русские тексты первой половины XIX в. Ph.D. diss. Tampere, 2000. С. 40.

¹⁵ См. дискуссии в журналах: Права и обязанности документалиста // Вопросы литературы. 1971. № 6; Обязанности свидетеля, права художника // Вопросы литературы. 1974. № 4; Литература, документ, факт // Иностранная литература. 1966. № 8; J. Andrew, *Women in Russian Literature, 1780–1863* (Basingstoke and London: Macmillan, 1988); В. Aroutunova, *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence* (Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1994); М. “Balina Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self,” *A/B (Auto/Biography Studies)* 11,

не мог не вспомнить, что со времен классического европейского литературоведения XIX в. идет традиция считать автобиографию «дочерью романа» (Г. Глагоу), включать ее в состав не документальных источников, но художественной литературы¹⁶. Однако с литературоведческой точки зрения мемуарно-автобиографическая проза – «непроявленный жанр» (А. Ахматова), «ускользающий, не имеющий твердых границ и правил»¹⁷. Историков, таким образом, вполне устроило мнение о том, что мемуары и автобиографии занимают *промежуточное* место между документами и литературными произведениями¹⁸, причем литературный (писательский) уровень слога, мастерство изложения мемуарного текста оказывает существенное влияние и на его известность, и на используемость как источника.

Мемуары – пишут литературоведы – это фабульная проза, обладающая некоторой схематичностью, задаваемой повторяемостью этапов жизненного пути любого индивида¹⁹. Получается, что по жанру она более всего тяготеет к роману²⁰, исторической прозе или документально-историческим очеркам²¹. Для гендеролога, стремящегося выявить всегда какие-то тонкие нюансы межгендерных отношений, очень важным становится то, что мемуарно-автобиографическая проза – как жанрово-видовое образование – подчеркнуто *апеллирует к подлинности изображения*²². В отличие от обычного писателя, мемуарист (что опять-таки важно для понимания отношений мужчин и женщин в разные эпохи) идет не от эпохи к личности, а от личности (от себя) к попытке охарактеризовать время, в котором она (он) жила²³. Современный российский философ В. Подорога говорит о мемуарах, что они – «чистый кинематограф, правда, весьма специфического свойства, как бы мнезические аттракционы со слабым присутствием монтажа»²⁴. И философы, и литературоведы усматривают в текстах мемуаров дидактичность и пафосность: автор «пишет себя», чтобы обобщить свой собственный жизненный опыт и соотнести его с опытом других, однако не просто так, а чтобы читатель сделал свои выводы, автор желает самоутвердиться и побудить к определенным действиям²⁵. Реально по-

no. 2 (1996): 3–7; J.G. Harris, “Diversity of Discourse: Autobiographical Statements,” in *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*, 14–24. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990; Урбан А. Художественная автобиография и документ // Звезда, 1977, № 2. С. 193.

¹⁶ H. Glagau, *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle* (Marburg: Elwert, 1903), 5.

¹⁷ Дискуссию об этом см.: Непроявленный жанр // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 31–53.

¹⁸ Гинзбург А.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1971. С. 5–6.

¹⁹ Аскин В. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в искусстве. М.: Наука, 1974. С. 73.

²⁰ Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза 70-х гг (проблематика и поэтика). Автореф. ... канд. филолог. наук. Киев, 1981. С. 22.

²¹ Левцкий Л. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 759.

²² Голубева Е.И. Лингвостилистические средства выражения объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. М., 1987. С. 8.

²³ Левковская Н.А. Категория времени как одно из средств связи текста мемуарного жанра // Сб. науч. тр. Мос. педаг. ин-т им. М.Тореза. Вып. 178. М., 1981. С. 19–25.

²⁴ Подорога В.П. Автобиография. М.: Логос, 2001. С. 144.

²⁵ Кузнецов М. Мемуарная проза // Жанрово-стилистические искания современной советской прозы. М.: Наука, 1971. С. 120–148.

могут ли мемуары в решении собственных житейских задач, – проблема не из простых: «Когда мемуаристу не удастся ее решить, воспоминания проходят косым дождем и уходят в песок»²⁶. И тут историку женщин и гендерологу очень важно то, что мемуарная проза отличается как жанр «особой откровенной интонацией»²⁷. Авторская субъективность становится своеобразной формой постижения объективной действительности. Выявляя, где именно автор пытается скрыть личностное начало повествования, аналитик может определить эти болевые точки и подчас заметить, что они не только не менее, но даже иногда более субъективно окрашенные²⁸.

Историк не может не оценить возможность сопоставлять, анализируя устные и письменные автобиографии, разные временные пласты. Это придает его анализу большую глубину и объективность²⁹. Установка на подлинность, ассоциативность, хронологичность, фрагментарность, фактографичность, ретроспективность, субъективность, смысловую завершенность (воплощение определенной концепции действительности), ощущение неповторимости прожитого, его необычности³⁰ – все это общие черты мемуарно-автобиографической литературы как целого. Историк непременно указывает также в качестве еще одной черты «неточность сообщаемых сведений», так как составителя текста «могла подводить память»³¹. Указанная «неточность» может быть вызвана и иными причинами – желанием «приукрасить» действительность, присочинить не существовавшее реально³²: «дыму легенд и слухов» (как считалось) – не место в научном сочинении³³.

«Своя комната»: место женских автобиографических текстов в совокупности мемуарных записей и их отличия от мужских

Не останавливаясь на психологических типах автобиографий, отмечу, что анализ жизненных историй позволяет выделять в них три основных вида информации, методологически важных для историка: (1) содержательно-фактуальную; (2) содержательно-концептуальную и (3) информационную³⁴. Первый из перечисленных типов преобладает в мемуарах военных; для них характерна также пространно-временная конкретность, точное называние мест, имен и т.п.; в мемуарах ученых – первый и второй типы находятся в равновесии; в мемуарах политиков –

²⁶ Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 379.

²⁷ Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза... С. 9.

²⁸ Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 336–387.

²⁹ Гинзбург А.Я. О психологической прозе. С. 56; А.Я. Гинзбург даже была склонна разделять мемуары на «более субъективные» и «менее», считая, что больший отход от субъективности – благо и положительная черта воспоминаний.

³⁰ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. С. 10; Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1982. С. 15; Янская И., Кардин В. Пределы достоверности. С. 375; Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза... С. 19; Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. С. 8; Левцикий Л. Мемуары. С. 759.

³¹ Бушканец Е.Г. Мемуарные источники. С. 7.

³² См. подробнее: Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 391.

³³ Макашин С.А. Предисловие. С. 7; Вересаев В.В. Пушкин в жизни М.: Советский писатель, 1936. С. 6–7.

³⁴ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Советский писатель, 1971.

преобладает второй тип, еще более явный в мемуарах деятелей искусства, которые исследователи склонны именовать мемуарами «двойной или максимальной субъективности»³⁵. При этом в многовековой истории автобиографий женских имен существенно меньше, чем мужских...

Женщины писали свои жизненные истории реже мужчин; об особенностях женской автобиографической прозы мне уже доводилось писать специально³⁶, так что здесь лишь повторю самое главное...

Способность написать собственную историю жизни (или часть ее – в записках, воспоминаниях о каком-то жизненном событии) есть психологически сложный акт состоявшегося как личность индивида. Женщинам всегда было сложнее стать личностью, состояться как личность. «Человеку раздавленному, сломленному, потерявшему себя, не написать мемуаров»³⁷. С этой теоретической посылкой схожа другая: «автобиография невозможна в таком культурном ландшафте, где нет самоосознания и саморефлексии»³⁸. Однако такой культурный ландшафт (cultural landscape) трудно даже вообразить, когда речь идет о женщинах, не случайно право на самоосознание требует особого состояния, образно говоря, «своей комнаты» (Вирджиния Вульф). Кроме того, индивид женского пола может быть банально не приучен к вербализации рефлексий своего жизненного опыта или оказаться слишком зависимой от запретительных социальных условий (когда саморефлексия и фиксация просто наказуемы).

Гендерная история быстро нашла общее поле с другим новым направлением в исследованиях прошлого устной историей: в случае устного изложения жизненной истории мемуаристке нет необходимости «ломать себя», дабы преодолеть смущение: взяв с интервьюера слово об анонимности рассказа, она излагает то, что не предназначается для опубликования, а должно просто «послужить науке». Вот почему исследования психологии памяти родились в контексте психологии эмоций³⁹ и психологии развития⁴⁰ (она рассматривает сюжеты в связи с особенностями детской

³⁵ Голубева Е.И. Лингвостилистические средства... С. 16; Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. № 3. 2000. С. 62–70.

³⁶ Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань: Мастер Лайн, 2001. 241–274; Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Женский дискурс в литературном процессе России XX в. Издание на CD-ROM. М., 2002. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22617042>.

³⁷ Гуревич А.А. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. Сб. Статей. М.: Наука, 1969. С. 392; Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. С. 384.

³⁸ G. Gusdorf, “Conditions and Limits of Autobiography (1956),” in *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* (Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1980), 30.

³⁹ J.D. Bransford Learning, understanding, and remembering (Belmont (CA): Wadsworth, 1979); G. Goodman, J. Hirshman, D. Hepps, and L. Rudy, “Children’s memory for stressful events,” *Merrill-Palmer Quarterly* 37, no. 1 (1991): 109–158; G. Bower, “Emotion and memory,” in *Handbook of emotion and memory* (Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1992), 3–31; S.A. Christianson, “Emotional stress and eyewitness memory: A critical review,” *Psychological Bulletin* 112, no. 2 (1992): 284–309.

⁴⁰ N.L. Stein, and M.D., *Liwaq Parents’ and children’s memory for real-life emotional events* (University of Chicago, 1994); K.Nelson, “Remembering and telling: A developmental story,” *Journal of Narrative and Life History* 1, no. 2–3 (1991) 109–128.

памяти)⁴¹, иногда – когнитивной психологии⁴². Но, увы, крайне редко психологами не феминистского толка ставится вопрос о гендерных различиях такой памяти⁴³.

Конструктивистские подходы к изучению исторической памяти, заложенные в 30–60-е гг. XX века Ф. Бартлетом и Г. Мидом, заставляют современных ее интерпретаторов ставить такие вопросы, как «частности ситуации запоминания» (освещенность, расстояние и широта обзора), обстоятельства, при которых повседневные эпизоды переходят из краткосрочной памяти в долгосрочную; пути интеграции запомненного в знание и элиминации противоречий между знанием и полученной информацией; проблему повторяющегося опыта в сходных повседневных ситуациях (так называемая «ре-эпизодическая память»): это особенно важно, когда анализируются мужские и женские тексты об одном и том историческом событии или явлении⁴⁴. При этом психологи предлагают принять во внимание тот факт, что есть гендерные различия между способностью бурно переживать какое-то событие и навыками его описания (женщинам это часто дается легче), между импрессией и экспрессией, умением впечатляться и записывать то, что произвело впечатление⁴⁵.

Проблемой памяти повседневного является, прежде всего, то, что обычные люди не ставят перед собой задачи запомнить что-то, что является для них обыденным, не удивляющим, рутинным. Излагая обыденное, индивиды обоего пола могут находить что-то, что – по их собственному мнению, основанному на индивидуальных или социальных причинах, – стоит пропустить, не упоминать⁴⁶. Женщины более скованны подобного рода предписаниями, а мужчины склонны к так называемому «намеренному словесному искажению запомненного» (*intentional verbal misrepresentation of remembered events*)⁴⁷.

Когда повседневный опыт не является травматическим, он редко подвергается критическому осмыслению и селекции в воспоминаниях. Один из американских психологов классифицировал стандарты проверки правдивости на психологические и эпистемологические. К первым он отнес пол, возраст, характер, а также их группы (пол – возраст, возраст – характер и т.п.); он полагал, что во всех исследованиях со смешанными гендерными группами, женская память оказыва-

⁴¹ N.L. Stein, “Children’s memory for emotional events. Implications for testimony,” *The recovered memory/false memory debate* (San Diego (CA): Academic Press, 1997).

⁴² J.M. Mandler, “The development of event memory,” in *Human memory and cognitive capabilities* (Amsterdam: Elsevier, 1986), 459–467.

⁴³ M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” *Self-inference processes. The Ontario Symposium*. Vol. 6 (Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990), 135–152.

⁴⁴ M. Linton, “Transformations of memory in everyday life,” *Memory observed* (San Francisco: Freeman, 1982), 77–91.

⁴⁵ «Какая пропасть лежит между шекспировскими страстями и – по иронии судьбы – умением говорить об этом, подобно продавцу бензина на автостоянке или тинейджеру!» Цит. по: А. Нухлей, *The genius and the goddess* (New York: Harper and Brothers, 1955), 47.

⁴⁶ N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, and C. Brainerd, eds. *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference, University of Chicago, May 1993* (Mahwah (New Jersey): Erlbaum, 1997), 57.

⁴⁷ P. Eckman, *Telling lies* (New York: Norton, 1985).

лась и более полной, и более точной, более насыщенной деталями⁴⁸. Далее как факторы, влияющие на память о повседневном, им назван контекст, желание или нежелание запоминать, степень распространенности/обыденности запоминаемого, личный опыт и личная память слушателя/читателя⁴⁹.

Ряд психологов, изучающих гендерные особенности памяти, поставил вопрос о путях реконструкции прошедших событий⁵⁰. Вспоминающие либо привязывают их к событиям общественной значимости (смерть президента, правителя, начало или конец войны и т.п.), либо к календарным датам (год, месяц, число), связанных с частной жизнью индивида⁵¹. Для женщин более значимыми для запоминания являются даже не хронологические «привязки», но эмоциональные переживания, которые являются частью повседневного опыта. Исследователи нередко упоминают о них, однако – говоря о том, что существуют некие культурные и социальные «правила», регулирующие понимание и толкование повседневных. Речь о «биологическом наследстве», которое – с точки зрения традиционной (не гендерной) психологии и определяет «интерпретацию, оценку, проявления эмоций и их конструирование в социальной интеракции». Источники эмоциональной реакции, рецепторы, структура, выражение и следующий за ней опыт – такова «схема» любой эмоциональной реакции на событие (происшествие)⁵². Однако «схема» эта имеет большие этнокультурные, исторические, хронологические вариации⁵³. Именно культурой и эпохой определяются эмоциональные реакции; поэтому один и тот же эмоциональный побудитель может вызвать к жизни и реакцию гнева, и реакцию страха или и гордости, и разочарования. Несомненны гендерные различия в типах эмоциональных реакций на одно и то же событие⁵⁴, расхождения начинаются там, где психологи ищут им объяснения. Сторонники

⁴⁸ M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” in *Self-inference processes: The Ontario Symposium*. Vol. 6. Hillsdale (NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990), 135–152.

⁴⁹ M. Ross, “Validating memoirs,” in *Memory for everyday and emotional events*, 51–69.

⁵⁰ Впервые необходимость изучения этого вопроса поставлена как задача в 1970-е гг. См.: A.D. Baddeley, V. Lewis, and I. Nimmo-Smith, “When did you last... ?” *Practical aspects of memory* (New York, US: Cambridge University Press, 1978), 77–83; О современных успехах этого подхода: Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» Задачи исследования ранних женских автобиографий // *Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 55*. Wien, 2002. P. 333–349.

⁵¹ J.A. Robinson, “Temporal reference systems and autobiographical memory,” in *Autobiographical memory* (Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1986), 159–188; L.W. Barsalou, “The content and organization of autobiographical memories,” *Remembering reconsidered* (New York; Cambridge US: Cambridge University Press, 1988), 193–243; Пушкарёва Н.Л. Память о повседневном женщин из среды научных работников // *Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2007. Ч. 2. С. 303.

⁵² P. Eckman, and W.V. Friesen, “Constants across cultures in the face and emotion,” *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 17 (1971). 124–129.

⁵³ C. Lutz, “Parental goals, ethnopscyhology, and the emotional meaning,” *Ethos*, no. 11 (1983): 246–262; C. Lutz, and G.M. White, “The anthropology of emotions,” *Annual Review of Anthropology*, no. 15 (1986): 405–436.

⁵⁴ J.G. Alien, and D.M. Haccoun, “Sex differences in emotionality: A multidimensional approach,” *Human Relations*, no. 29 (1976), 711–722; J. Kuebli, and R. Fivush, “Gender differences in parent-child conversations about past emotions,” *Sex Roles*, no. 27 (1992): 683–698.

гендерной концепции полагают, что причина – прежде всего, в разных путях социализации детей разного пола, воспитывающих в детях разные типы эмоциональных реакций, а вовсе не в базовых физиологических различиях между мужчинами и женщинами (как полагают «обычные» исследователи)⁵⁵.

Общим в оценках психологов указанных направлений является убежденность в том, что более тесную коммуникативную связанность, большую эмпатию проявляют матери в отношениях с дочерьми (в особенности при переживании негативных эмоций и событий, их вызвавших)⁵⁶. Женщины вообще чаще говорят (и пишут) об эмоциональной жизни, чем мужчины – что также (по мнению психологов-гендерологов) есть следствие выработки в женщинах этой психологической потребности социумом; по этой же причине женщины более нормативны в своих реакциях⁵⁷ – когда он них «ожидается» соболезнование – сочувствуют, когда слезы – плачут и т.п.

Мужчины в своих автобиографиях чаще всего говорят о работе, женское присутствие в их рассказах о прошлом – не то, чтобы минимально, но включается лишь постольку-поскольку⁵⁸, так что женские фигуры в их автобиографиях – как выяснил германский исследователь, интервьюировавший мужчин-швейцарцев 1920–1930-х гг. рождения, – либо второстепенны, либо «неопределенны» в их ролях на «житейской сцене»⁵⁹. Рассказы о семейной жизни в мужских «жизненных историях» А. Леманн назвал «черной дырой в мужских автобиографиях»⁶⁰: мужчины рассказывают прежде всего о работе, на втором месте по повторяемости – рассказы о службе в армии (иногда на втором месте – тематизация политических ориентаций и предпочтений) и, наконец, (речь идет о воспоминаниях мужчин, выросших в бывшей ГДР и живущих в настоящее время на территории бывшей Восточной Германии) о спорте⁶¹.

⁵⁵ P. Davis, "Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991). LaGrange (UK), 1991; Fivush R. Gender and emotion in mother-child conversations about the past," in *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 325–334.

⁵⁶ C. Zahn-Waxler, P. Cole, and K. Barrett, "Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression," in *The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development* (New York-Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 141–164.

⁵⁷ J.G. Alien, and J.H. Hamsher, "The development and validation of a test of emotional styles," *Journal of Counseling and Clinical Psychology*, no. 42 (1974): 663–668.

⁵⁸ B. Dausien, "Die biographische Konstruktion von Geschlecht," *Einheit und Vielfalt. Das Verstehen der Kulturen* (Amsterdam-Atlanta, 1998), 256–275; N. Hawkins, "Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern," in *Biographie und soziale Wirklichkeit* (Stuttgart: [S.n.], 1984), 217–238.

⁵⁹ K. Trüeb, "Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten." *Vielschichtiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History* (Zürich: Chronos, 1994), 79–94.

⁶⁰ A. Lehmann, *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen* (Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1983), 239.

⁶¹ Шолц С. Забележителното отсъствие на жени в биографичните разкази на източногермански мъже // Българска етнология. 2004. Бр. 2. С. 5–23; См. также: S. Scholz, "Männlichkeiten erforschen," *Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung*, no. 1–2 (2000): 6–21.

Гендерный подход к анализу собранных текстов обнаружил себя в исходных посылках исследователей-интерпретаторов: и «биография», и «пол» – утверждают они – есть социальные конструкты, причем неотделимые друг от друга [что, разумеется, показывает, что общим методологическим подходом к исследованию у них остается структурный функционализм и социальный конструктивизм]. Следствием высказанного является тот тип воспитания умения говорить о себе, который приводит к полученным результатам (мужчины не говорят о своей эмоциональной, семейной, частной жизни)⁶²; даже очевидным событиям эмоциональной и частной жизни ими в итоге придается иной смысл (при последующей рефлексии и пересказе-воспоминаниях), очевидно и наличие «линии натяжения» между мужской гегемонией в существующем социальном порядке и влияющей на него разрушительно тенденцией правового равенства (к равной оплате за равный труд независимо от пола)⁶³.

Второй очевидный вывод при сопоставлении мужских и женских автобиографий – индивидуализированность и независимость своего *Я* в рассказах о жизни: для каждого мужчины его мужественность в собственных историях-воспоминаниях есть «состязательная структура», а потому предполагает, что рассказчик говорит о себе и только о себе⁶⁴.

Третий вывод: сопоставимость мужских представлений об идеальной мужественности для каждой из возрастных когорт: при тех или иных своеобразиях, практически все мужчины, всех возрастов включают в образ «настоящего мужчины» такие характеристики, как профессионализм, реалистичность в оценке окружающего, личную ответственность – и, как сговорившись, никто не пытается оценивать степень мужественности через отношение к женщинам. Автобиографии мужчин просто бедны на такие сюжеты: мужчины даже на прямо поставленные вопросы («Как вы познакомились со своей спутницей жизни?») пытаются ответить уклончиво, отговорками, кратко, а в случае настойчивости интервьюера – подчас вспоминают из своей семейной жизни не то, что было радостным и объединило в прошлом и настоящем, но «проблемные зоны» жизни семьи, например, недовольство слишком большой профессиональной ангажированностью жены. Правда, не стоит забывать, что значение при сборе материала о мужских жизнях имеет и пол самого исследователя, собирателя рассказов: при рассказе интервьюеру-женщине рассказчик излагает те же самые жизненные события по иному, чем интервьюеру-мужчине (с последним немедленно возникает мужская общность – и одновременно типичные для отношений мужчин иерархии)⁶⁵.

⁶² B. Dausien, “Die biographische Konstruktion von Geschlecht,” *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen* (Amsterdam: Atlanta, 1998), 565.

⁶³ H. Keupp, et al. *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne* (Herbolzheim: Rowohlt, 2000).

⁶⁴ M. Meuser, *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster* (Opladen: Leske + Budrich, 1998), 16.

⁶⁵ S. Scholz, *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer* (Münster: Westfaelisches Dampfboot, 2004).

Выводы

Сложности и расхождения в интерпретации полученных результатов о различиях в мужской и женской оценках событий обычно объясняют упрощенным подходом к систематизации эмоциональных реакций, «записанных» в памяти индивидов. В обычных исследовательских схемах их просто делят на негативные и позитивные, в то время как в действительности эмоциональные реакции бывают несводимыми к простой схеме или двум указанным выше категориям. Р. Фивуш, специально занимавшийся изучением эмоциональных переживаний в рассказах о прошлом у представителей разных поколений, отметил, что практически всем женщинам свойственно рассматривать «эмоциональное» как основу интерперсональных конструктов, а мужчинам – считать, что оно конструирует индивидуальный, приватный мир человека⁶⁶. Кроме того, словесная палитра для описания пережитого у женщин и девочек несравненно шире, чем у мужчин⁶⁷.

Насколько возможно объединение отдельных автобиографических нарративов – мужских или женских – для анализа памяти? Какие методики здесь могут быть предложены? Для формализации изложенного в автобиографиях (жизненных историях, воспоминаний и т.д.) материала некоторые исследователи предлагают разделять индивидуальные эпизоды биографий (личную память) и общую, «реколлективированную» память (сходные эпизоды биографий представителей/ниц одного и того же социального слоя, поколения и проч.) – «набор схожих индивидуальных эпизодов жизни»⁶⁸, которые не были чем-то особенным, выделяющимся для запоминания, однако по прошествии времени прочно запечатлелись в памяти.

Важным аспектом психологического изучения памяти является вопрос о том, *чью* память воспроизводит тот или иной текст, а ответ на него кроется в том, что заставляет вспоминать то или иное событие, чем мотивируется написание автобиографии, кто – в более простом случае – ставит вопрос «Вспомните!» (и тем самым о другой информации – «Забудьте!»). В более широком смысле это вопрос о взаимодействии индивида и культурных стереотипов, конструирующих его «вспоминание» и заставляющих опускать что-то, не являющееся для социума существенным. Т. Трабассо, изучавший именно влияние этих стереотипов, пришел к выводу, что запоминание с этой точки зрения детерминируется социальными ролями, знаниями, верованиями, воззрениями, ценностями, социальными связя-

⁶⁶ R. Fivush, and J. Kübli, “Making Everyday Events Emotional: The Construal of Emotion in Parent-Child Conversations About the Past,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997) 239–267.

⁶⁷ S. Engel, “The role of mother-child interaction in autobiographical recall,” in J.A. Hudson, *Learning to talk about the past. Symposium conducted at the Conference on Human Development* (Nashville: Cambridge University Press, 1986); P. Miller, “Narrative practices: Their role in socialization and self-construction,” in U. Neisser, and R. Fivush. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative* (New York: Plenum, 1994), 158–179.

⁶⁸ W.F. Brewer, “Children’s Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997), 453–467; Пушкарёва Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // *Tractus aevorum*. 2014. Т. 1. № 1. С. 15–28.

ми и отношениями, умением пользоваться языком для выражения этих переживаний (лингвистической компетентностью), мотивацией уважения к тем или иным персонам⁶⁹. В отношениях между взрослым и ребенком вопрос о том, чью память воспроизводит воспоминание особенно обострен; однако и во взаимоотношениях, например, журналиста и рассказчика, исследователя-этнографа и респондента этот вопрос оказывается актуальным, хотя и более скрытым⁷⁰. Наконец, в письменном тексте воспоминаний всегда присутствует заложенная автором интенция написать их – она также является производной от перечисленных выше факторов (ценностей, убеждений и проч.). Не удивительно, что – желая снять описанное выше опосредование – психологи (и отнюдь не приверженцы феминистской антропологии, в которой указанное ниже требование является одним из основополагающих) активно предлагают сейчас вести аудио-видео запись интервью-воспоминаний, чтобы получить с ее помощью дополнительную информацию о том, что скрыто умышленно или невольно, для анализа невербальных интеракций⁷¹.

В конечном счете, анализ малоисследованных женских автобиографий (которые в феминистской литературе даже именуют авто*г*инографиями) в сравнении с мужскими или автономное – основа для тактики построения одной из обоснованных теорий (grounded theory) о функционировании женского коммюнити. Нереализованная пока что задача состоит не столько в подтверждении или верификации существующих мнений и оценок, касающихся самих текстов, сколько в создании – через проверку гипотез – некоей мини-теории, касающейся некоего общего социального женского опыта или, точнее, выживания женщин в мужском сообществе. Конечно, опыт исторического анализа, «устной истории» помогает восполнять те страницы женской истории, которые мало и слабо задокументированы. Таким образом, женские автобиографии – путь к созданию «банка данных», «архива женской истории», обогащению знаний о социально-историческом контексте жизни женщин в разные исторические эпохи. За внешне похожими фактами жизни подчас могут скрываться разные социальные смыслы человеческих поступков, социального поведения индивидов. Обнаружение гендерного аспекта этих различий – эвристически актуальная и важная научная задача⁷².

⁶⁹ T. Trabasso, and S. Suh, “Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory,” *Discourse Processes*, no. 16 (1993): 3–34; T. Trabasso, S. Sun, and P. Payton, “Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events,” in M.A. Gernsbacher, and T. Givon. *Text coherence as a mental entity* (Amsterdam: John Benjamins, 1995), 189–214.

⁷⁰ Половая дифференциация в зеркале феминистской психологии // Социальные и гуманитарные науки. Реферат. журнал. Серия социология. 1993. № 3–4.; Пушкарёва Н.Л. Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон» для изучения «женского письма» // Е.Р. Дашкова и XVIII век. Традиции и новые подходы / Ред. Л.В. Тычнина. М.: МГИ им. Е.Р.Дашковой, 2012. С. 224–241.

⁷¹ T. Trabasso, “Whose memory is it? The Social context of remembering,” in N.L. Stein, *Memory for everyday and emotional events*, 429–445.

⁷² S.B. Gluck, and D. Patai, *Women’s Words: The feminist Practice of Oral History* (New York: The Feminist Press, 1991); C. Ellis, and A.P. Bocher, *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing* (California: Walnut Creek, CA, 1996). URL: <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlelet/history/women.html>.

ENG

Introduction

Attitudes toward autobiographies, memoirs, and other *ego*-documents can be two-fold: one can perceive them as carriers of information about the past and as an independent phenomenon of spiritual culture. Historians, who have traditionally referred to memoirs as to a documentary source, primarily noted the utilitarian significance of life histories for their research. For a historian, any memoir or autobiography is a common narrative source, which does not always record an event accurately. In this “inaccuracy”, one can discover the sources of disregard for *ego*-documents, typical of researchers of the past, which is manifested in the following statement by L. von Ranke. According to it, the purpose of the autobiography is “to clarify personal connections; historians must be careful not to let themselves be taken away by the recollections and disengage from the ups and downs of the personal life described in them.”¹ The fictional level of memoirs, the psychologism of autobiographies and personal notes were of even smaller interest for historians. The latter considered these aspects to be within the field of activity of literary critics. Keeping in mind the historiographic views dating back to half a century ago, historians saw autobiographies only as auxiliary empirical material, the social function of which is very subjectified.² Subjectivity (which, in the opinion of A. Tartakovskiy, an outstanding source-study expert of the stagnation period, is a “personal beginning as a structure-forming principle”), retrospectiveness (or “double vision”), and memory as an indicator of the selectivity of material fixation were considered the main features of *ego*-documents.³

For decades, historians taught the younger generation of analysts to conduct various analytical operations, using such a type of historical sources as *ego*-documents. These operations included: (1) verifying the reflection of the *historical setting* – the time when the text was created, (2) verifying the *accuracy* of the information communicated in the source, (3) *attributing*, (4) exploring the possibility for the author to overcome the *obstacles of censorship* (texts not intended for printing, texts for official use, taking into account the “internal editor” involved in the preparation of the text for publication, etc.), (5) identifying the *sources involved* (press materials, current to the events described; personal diaries, written at the same time when the recollections were recorded – the so-called “pillars of memory”⁴, (6) making *cross-textual* (cross-memoir) comparisons and, finally, (7) analyzing of the degree of *fictionalization*, which, as educators insisted then, is always higher “in more public persons”, who tend to generalize, typify the phenomena they have seen.⁵

¹ L. von Ranke, *Denkwürdigkeiten der Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg (1793–1813)* (Berlin: Dunker & Humblot, 1877), 10.

² A.G. Tartakovskiy, *1812 god i russkaya memuaristika* [1812 and Russian memoirs] (Moscow: Nauka Publ., 1980), 28.

³ L.Ya. Garanin, *Memuarnyy zhanr sovetskoy literatury* [Memoir genre of Soviet literature] (Insk: Nauka i tekhnika Publ., 1986), 10; A.G. Tartakovskiy, “Memuaristika kak fenomen kul'tury,” *Voprosy literatury*, no. 2–3 (1999): 38.

⁴ F.F. Fridlev, “Literaturnyye siluety,” [Literary silhouettes] *Novoye slovo*, no. 1 (1914): 68–75.

⁵ V.S. Golubtsov, *Memuary kak istochnik po istorii sovetskogo obshchestva* [Memoirs as a source on the history of Soviet society] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1970), 111.

For all its unquestionable merits, the Soviet source study was distinguished by the desire to label the author of the text. Textbooks aimed young specialists at acquiring the ability to “characterize the personality of the memoirist (outlook, sense of tact, ability to correctly understand the meaning of events)”, to “change attitudes throughout life”. They taught the skill of diagnosing “what ideological and political stances the memoirist”, or author of some other autodocumentary text, took, “in whose favor” the text was written⁶, whether it was “love or hate” that moved its creator to the portrayed.⁷ On the basis of more than subjective assessments and views of the researcher, those specialists were asked to rank the authors of autodocumentary texts – from “outstanding historical figures who managed to reflect the thoughts and experiences of many people” to ordinary, and therefore, ... not very interesting people.⁸ It is curious that works by memoir researchers who were more distant from ideology (e.g., literary scholars) were also marked by a striving to introduce the concept of “more” or “less” valuable texts of recollections, to build an hierarchy from “memoir classics” to ordinary people’s recollections, and to do so on the basis of identifying “a measure of objectivity” and “a degree of public responsibility”.⁹

The obvious “suspiciousness” of researchers with regard to such personal sources as recollections, notes and memoirs was expressed in the fact that preference was always given to legal, regulatory, and statistical documents, created chronologically at the same time as the events described in memoirs, since those documents were considered more objective and necessary for scholars. That is why for decades, memoirs and autobiographical sources were viewed in Russian research as merely auxiliary and supplementary.¹⁰ “Direct witnesses of the document’s appearance can interpret its language better than people who approach even their own documents, but a few years later, with moods and ideas they didn’t have the moment when the document emerged”¹¹ – this is an example of the prejudices that Soviet historical research had towards autobiographical sources when studying ego-documentary texts.

A record of a life history is already a social act

In the last quarter of the century, attitudes toward the descriptions of “life histories” have changed. Modern authors understand that the texts of memoirs or recollections are not only “a verbal construct, but also a social act that includes the text in the

⁶ Ye.G. Bushkanets, *Memuarnyye istochniki* [Memoir sources] (Kazan: Kazanskiy pedagogicheskiy institut Publ., 1975), 23.

⁷ S.A. Makashin, “Predisloviye,” [Foreword] in *M.Ye. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov* [M.E. Saltykov-Shchedrin in the memoirs of contemporaries] (Moscow: Gosudarstvennoe Izd-vo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957), 6.

⁸ V.S. Golubtsov, *Memuary kak istochnik po istorii sovetskogo obshchestva*, 44.

⁹ I.S. Yanskaya, E.V. Kardin, *Predely dostovernosti. Ocherki dokumental'noy literatury* [Confidence limits. Essays non-fiction] (Moscow: Sovetskiy pisatel', 1981), 377.

¹⁰ M.N. Chernomorskiy, *Memuary kak istoricheskiy istochnik* [Memoirs as a historical source] (Moscow: MGIAN MVO SSSR Publ., 1959), 5–6; M.N. Chernomorskiy, *Rabota s memuarami pri izuchenii istorii KPSS* [Working with memoirs in the study of the history of the CPSU] (Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1961), 11–14.

¹¹ M.N. Pokrovskiy, “Memuary uchastnikov revolyutsii,” [Memoirs of the revolution] *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 1 (1921): 8.

reality of human relations: promising to testify to what happened, the writer interferes in relations between people”.¹²

It is now clear that the controversial and the unreliable in memoirs is explained not only by the imperfect work of memory or by deliberate reserve and distortion. A certain element of unreliability is a priori embedded in the very essence of the works of memoir literature. Only the simplest information (names, dates, etc.) can coincide in works of pure memoirists; beyond this limit starts choice, evaluation, point of view.¹³ Every author has an internal setting for authenticity, a certain contract with the reader who is offered non-fiction prose. The modern Finnish researcher I. Savkina rightfully emphasizes that these attitudes toward authenticity are historically variable and depend on ideological, historical, cultural, ethnographic, national, gender, and many other conventions that are “relevant to the author consciously or unconsciously”.¹⁴

The interest of gender scholars and women historians in life histories and various kinds of documentary prose is directly related to disputes over whether the texts analyzed by them belong to fiction or stand on the line between documents and literature. These disputes unfolded in Russian literary criticism during the period of stagnation, when it was necessary to comprehend a huge flow of memoir texts, which literally flooded the field of scholarly research.¹⁵ Everyone who addressed them could not help but recall that the classical European literary criticism of the 19th century marked the start of the tradition to consider autobiography as “the daughter of the novel” (G. Glagau), to view it not as a documentary source, but as fiction.¹⁶ However, from the literary point of view, memoir and autobiographical prose is “an unmanifested genre” (A. Akhmatova), which is “elusive, lacking firm boundaries and rules”.¹⁷ Historians, therefore, were quite sat-

¹² F. Lezhon, “Sto let bor’by s avtobiografiyey.” [One hundred years of struggle with autobiography] *Inostrannaya literatura*, no. 4 (2000): 110–121.

¹³ Kesten, S.A. *Povestvovatel’nyy stil’ avtobiograficheskikh proizvedeniy Rene* [Narrative style of autobiographical works of Rene] (Tashkent: Izd-vo Tashkentskogo universiteta Publ., 1970), 10–11; M. Elchinova, “Avtobiografichniyat razkaz kato samopredstavlyane,” [Autobiographical narrative as a self-presentation] *Bülgariski folklore*, no. 6 (1994): 17–27.

¹⁴ I.L. Savkina, “Istoriya teorii (ob izuchenii avtodokumental’noy literatury),” [History of theory (on the study of autodocumentary literature)] in I.L. Savkina. *Avtodokumental’nyye russkiye teksty pervoy poloviny XIX v* [Autodocumentary Russian texts of the first half of the XIX century] (Tampere: University of Tampere, 2000), 40.

¹⁵ See discussions in: “Prava i obyazannosti dokumentalista,” [Rights and duties of a documentarist] *Voprosy literatury*, no. 6 (1971); “Obyazannosti svidetelya, prava khudozhnika,” [Duties of the witness, the rights of the artist] *Voprosy literatury*, no. 4 (1974); “Literatura, dokument, fakt,” [Literature, document, fact] *Inostrannaya literatura*, no. 8 (1966); J. Andrew, *Women in Russian Literature, 1780–1863* (Basingstoke and London: Macmillan, 1988); B. Aroutunova, *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence* (Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1994); M. Balina, “Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self,” *A/B (Auto/Biography Studies)*, no. 2 (1996): 3–7; J.G. Harris, “Diversity of Discourse: Autobiographical Statements,” in *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature* (Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990), 14–24; A. Urban, “Khudozhestvennaya avtobiografiya i document.” [Artistic autobiography and document] *Zvezda*, no. 2 (1977): 193.

¹⁶ H. Glagau, *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle* (Marburg: Elwert, 1903), 5.

¹⁷ See discussion in: “Neprovyavlennyy zhanr,” [Unmanifested genre] *Voprosy literatury*, no. 2 (1979): 31–53.

ified with the opinion that memoirs and autobiographies occupy an *intermediate* place between documents and literary works¹⁸, and the literary (writerly) level of language, the skill of expounding a memoir text, has a significant impact on the popularity of that text and its usability as a source.

As noted by literary scholars, memoirs are anecdotal prose, possessing some sketchiness, set by the repetitive nature of the life course stages of any individual.¹⁹ As it turns out, in terms of genre, it the closest to the novel²⁰, historical prose, or documentary and historical essays.²¹ For a gender scholar, always seeking to reveal some subtle nuances of intergender relations, it becomes very important that memoir and autobiographical prose as a genre-type phenomenon strongly *appeals to the authenticity of the depicted*.²² Unlike an ordinary writer, a memoirist (which is again important for understanding the relations between men and women in different eras) moves not from era to personality, but from personality (his or her own) to an attempt to characterize the time in which he (she) lived.²³ The modern Russian philosopher V. Podoroga says that memoirs are “pure cinema, however, of a very specific nature; they are certain mnemonic attractions with a slight presence of editing.”²⁴ Both philosophers and literary scholars see didacticism and pathos in the texts of memoirs: authors “write themselves” to summarize their own life experience and relate it to the experience of others, but not without a purpose, but for the reader to draw his or her conclusions. Author wants to assert themselves and encourage certain actions.²⁵ Whether memoirs really help in solving one’s own everyday tasks is not an easy problem: “When the memoirist fails to solve it, the memories pass by like a pelting rain and are buried in the sand.”²⁶ And here it is

¹⁸ A.Ya. Ginzburg, *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose] (Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971), 5–6.

¹⁹ V. Askin, “Kategoriya budushchego i printsipy yeye voploshcheniya v iskusstve,” [Category of the future and the principles of its embodiment in art] in *Ritm, prostranstvo i vremya v iskusstve* [Rhythm, space and time in art] (Moscow: Nauka Publ., 1974), 73.

²⁰ A.Yu. Merezhinskaya, *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)* [Memoir-autobiographical prose of the 70-ies. (problems and poetics)] (Kiyev: Kiyevskiy Gosudarstvennyy Universitet Tarasa Shevchenko Publ., 1981), 22.

²¹ L. Levitskiy, “Memuary,” [Memoirs] in *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Short Literary Encyclopedia] (Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967), 759.

²² Ye.I. Golubeva, *Lingvostilisticheskiye sredstva vyrazheniya ob "yektivnogo i sub"yektivnogo faktorov v zhanre avtobiografii* [Linguistic-stylistic means of expression about the “objective and sub” objective factors in the genre of autobiography] (Moscow: Moscow State University Maurice Thorez Publ., 1987), 8.

²³ N.A. Levkovskaya, “Kategoriya vremeni kak odno iz sredstv svyazi teksta memuarnogo zhanra,” [The time category as one of the means of communication of the text of the memoir genre] in *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo pedagogicheskogo instituta im. M.Toreza* [Collection of scientific works of the Moscow Pedagogical Institute. M.Toreza] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo pedagogicheskogo instituta Morisa Toreza, 1981), 19–25.

²⁴ V.P. Podoroga, “Vopros o metode,” [Question about method] in V.P. Podoroga. *Avtobiografiya* [Autobiography] (Moscow: Logos Publ., 2001), 144.

²⁵ M. Kuznetsov, “Memuarnaya proza,” [Memurnaia prose] in *Zhanrovo-stilisticheskiye iskaniya sovremennoy sovetskoy prozy* [Genre and stylistic quest of modern Soviet prose] (Moscow: Nauka Publ., 1971), 120–148.

²⁶ I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, *Predely dostovernosti*, 379.

very important for a women historian or a gender scholar that memoir prose be distinguished as a genre by “a specific frank intonation”.²⁷ The author’s subjectivity becomes a peculiar form of perceiving objective reality. By identifying where exactly the author is trying to hide the personal beginning of the narrative, the analyst can identify these main points and sometimes notice that they are not only not less, but even occasionally more subjectively colored.²⁸

A historian cannot fail to appreciate the opportunity to compare different temporary layers by analyzing oral and written autobiographies. This gives his or her analysis greater depth and objectivity.²⁹ A fixation on authenticity, associativity, chronology, fragmentation, factualism, retrospectiveness, subjectivity, semantic completeness (the embodiment of a certain concept of reality), a sense of uniqueness and unusualness of the lived³⁰ – all these are common features of memoir and autobiographical literature as a whole. As another feature, historians certainly also point out the “inaccuracy of the information reported”, since memory “could have betrayed” the writer of the text.³¹ Such “inaccuracy” can also be caused by other reasons, such as the desire to “embellish” reality, to make up something that never existed in reality³²: there was considered to be no place for “the smoke of legends and rumors” in a scholarly work.³³

A “room of one’s own”: the place of women’s autobiographical texts in the totality of memoirs, and their differences from men’s

Without dwelling on the psychological types of autobiographies, I note that the analysis of life histories makes it possible to distinguish three main types of information that are methodologically important for a historian: (1) content and factual; (2) content and conceptual, and (3) informative.³⁴ The first of these three types prevails in memoirs of the military, which are also characterized by time-space concreteness, exact naming of places, names, etc. In memoirs of scholars, there is a balance between the first and

²⁷ A.Yu. Merezhinskaya, *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)*, 9.

²⁸ I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, *Predely dostovernosti*, 336–387.

²⁹ A.Ya. Ginzburg, *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose] (Leningrad: Khudozhestvennaya literatura (Leningradskoye otdeleniye), 1971), 56. Ginzburg A.Ya. See above. Ginzburg even tended to divide memoirs into “more” and “less subjective” ones, believing that a greater departure from subjectivity is a good and positive trait of recollections.

³⁰ A.Ya. Ginzburg, *O psikhologicheskoy proze*, 10; N.L. Leydenman, *Dvizheniye vremeni i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of the genre] (Sverdlovsk: Sredne-Ural’skoye knizhnoye izdatel’stvo, 1982), 15; I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, “Ob’yektivnoye i sub’yektivnoye v memuarakh,” 375; A.Yu. Merezhinskaya, *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)*, 19; L.Ya. Garanin, *Memuarnyy zhanr sovetskoy literatury*, 759.

³¹ Ye.G. Bushkanets, *Memuarnyye istochniki* [Memoir sources] (Kazan: Kazanskiy pedagogicheskiy institute Publ., 1975), 7.

³² I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, *Predely dostovernosti*, 391.

³³ S.A. Makashin, “Predisloviye,” [Foreword] in *M.Ye. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov* [M.E. Saltykov-Shchedrin in the memoirs of contemporaries] (Moscow: Gos. Izd-vo khudozhestvennoy literatury, 1957), 7; V.V. Veresayev, *Pushkin v zhizni* [Pushkin in the life] (Moscow: Sovetskiy pisatel’ Publ., 1936), 6–7.

³⁴ I.R. Gal’perin, *Tekst kak ob’yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research] (Moscow: Sovetskiy pisatel’, 1971).

second types. In memoirs of politicians, it is the second type that prevails, which is even more apparent in memoirs of people of art, referred to by researchers as memoirs of “double or maximum subjectivity”.³⁵ At the same time, in the long history of autobiographies, female names are significantly less frequent than those of men...

Women wrote their life histories less often than men; I have already written about the features of female autobiographical prose separately³⁶, so here I will only reiterate the most important aspects...

The ability to write one’s own life history (or part of it – as notes or recollections of some life event) is a psychologically complex action of an individual who has succeeded as a personality. It has always been more difficult for women to become personalities, to be held as personalities. “A devastated, broken, lost person, is incapable of writing a memoir.”³⁷ This theoretical premise is similar to another one: “an autobiography is impossible in such a cultural landscape where there is no self-awareness and self-reflection.”³⁸ However, such a cultural landscape is difficult to even imagine when it comes to women; it is not by chance that the right to self-awareness requires a special state, figuratively speaking, a “room of one’s own” (Virginia Woolf). In addition, a female individual may not be accustomed to verbalizing the reflections of her life experience or be too dependent on restrictive social conditions (when self-reflection and fixation are simply punishable).

Gender history quickly found a common field with another new area in the research of the past – oral history: in the case of an oral account of her life history, a female memoirist does not need to “break herself” in order to overcome embarrassment: making the interviewer pledge the anonymity of the story, she sets out what is not meant for publication, but should simply “serve the science”. That is why the study of the psychology of memory was born in the context of the psychology of emotions³⁹

³⁵ Ye.I. Golubeva, *Lingvostilisticheskiye sredstva vyrazheniya ob “yektivnogo i sub”yektivnogo faktorov v zhanre avtobiografii*, 16; Pushkareva, N.L., “U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii,” [At the origins of women’s autobiography in Russia] *Filologicheskiye nauki*, no. 3 (2000): 62–70.

³⁶ Pushkareva, N.L. “Pishite sebya!” (Gendernyye osobennosti pis’ma i chteniya). [“Write yourself!” (Gender features of writing and reading)] In Ye.A. Vishlenkova. *Sotvoreniye istorii. Chelovek. Pamyat’. Tekst* [The creation of history. Person. Memory. Text]. Kazan’: Master Layn Publ., 2001, 241–274; Pushkareva, N.L. “U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii.” [At the origins of women’s autobiography in Russia] In T. Klimenkova, T. Troynova, and Ye. Trofimova, *Zhenskiy diskurs v literaturnom protsesse Rossii XX v* [Female discourse in the literary process of Russia of the XX century]. Moscow: [S.n.], 2002, <http://elibrary.ru/item.asp?id=22617042>.

³⁷ A.Yf. Gurevich, “Sotsial’naya psikhologiya i istoriya. Istochnikovedcheskiy aspekt,” [Social psychology and history. Source study aspect] in Istochnikovedeniye. *Teoreticheskiye i metodologicheskiye problem* [Source study. Theoretical and methodological problems] Moscow: Nauka, 1969, 392; I.S. Yanskaya, and E.V. Kardin, “Ob’yektivnoye i sub’yektivnoye v memuarakh,” 384.

³⁸ G. Gusdorf, “Conditions and Limits of Autobiography (1956),” in J. Olney. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* (Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1980), 30.

³⁹ J.D. Bransford, *Learning, understanding, and remembering* (Belmont (CA): Wadsworth, 1979); G. Goodman, J. Hirshman, D. Hepps, and L. Rudy, “Children’s memory for stressful events,” *Merrill-Palmer Quarterly*, no. 1 (1991): 109–158; G. Bower, “Emotion and memory,” in S.A. Christianson. *Handbook of emotion and memory* (Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1992), 3–31; S.A. Christianson, “Emotional stress and eyewitness memory: A critical review,” *Psychological Bulletin*, no. 2 (1992): 284–309.

and developmental psychology⁴⁰ (it considers plots in connection with the features of childhood memory), sometimes, in the context of cognitive psychology.⁴¹ But alas, it is extremely rare for non-feminist psychologists to bring up the issue of gender differences in such a memory.⁴²

Constructivist approaches to the study of historical memory, which were established in the 1930–1960-ies by F. Bartlett and G. Mead, force contemporary interpreters to pose such questions as “particularities of the memorization situation” (coverage, distance and breadth of the review), the circumstances in which everyday episodes transfer from short-term to long-term memory; ways of integrating what has been remembered into knowledge, and elimination of the contradictions between knowledge and the information obtained; the problem of repetitive experience in similar everyday situations (the so-called “re-episodic memory”) – this is especially important in the analysis of male and female texts about the same historical event or phenomenon.⁴³ Psychologists suggest taking into account the fact that there are gender differences between the ability to vigorously experience an event and the skills of describing it (which is often easier for women); between impression and expression, the ability to be impressed and record what produced the impression.⁴⁴

The problem of everyday memory is primarily the fact that ordinary people do not set themselves the objective of remembering something that is ordinary, not surprising, routine for them. In presenting the ordinary, individuals of both sexes may find something that – in their own opinion, based on individual or social reasons, – should be omitted, not mentioned.⁴⁵ Women are more constrained by this kind of prescriptions, and men are inclined to the so-called “intentional verbal misrepresentation of remembered events”.⁴⁶

When everyday experience is not traumatic, it is rarely subject to critical reflection and selection in recollections. One of the American psychologists divided the standards of truthfulness verification into psychological and epistemological. To the former, he referred to gender, age, character, as well as their groups (gender-age, age-character, etc.); He believed that in all studies with mixed gender groups, women’s memory turned out to be both more complete and more accurate, more saturated with details.⁴⁷ He fur-

⁴⁰ N.L. Stein, and M.D. Liwag, *Parents’ and children’s memory for real-life emotional events* (Chicago: University of Chicago, 1994); K. Nelson, “Remembering and telling: A developmental story,” *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (2–3) (1991): 109–128.

⁴¹ J.M. Mandler, “The development of event memory,” in K. Klix, H. Hagendorf. *Human memory and cognitive capabilities* (Amsterdam: Elsevier, 1986), 459–467.

⁴² M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” in J.M. Olson, and M.P. Zanna. *Self-inference processes. The Ontario Symposium* (Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990), 135–152.

⁴³ M. Linton, “Transformations of memory in everyday life,” in U. Neisser. *Memory observed* (San Francisco: Freeman, 1982), 77–91.

⁴⁴ A. Huxley, *The genius and the goddess* (New York: Harper and Brothers, 1955), 47.

⁴⁵ N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, and C. Brainerd, *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference* (Mahwah (New Jersey): Erlbaum, 1997), 57.

⁴⁶ P. Eckman, *Telling lies* (New York: Norton, 1985).

⁴⁷ M. Ross, and D. Holmberg, “Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship,” 135–152.

ther named the context, the desire to remember or lack thereof, the degree of prevalence/routine of the remembered, personal experience and personal memory of the listener/reader, as factors affecting the memory of everyday events.⁴⁸

A number of psychologists studying gender features of memory raised the question of how to reconstruct past events.⁴⁹ Those who remember them link them either to events of public significance (death of the president, governor, the beginning or end of war, etc.), or to calendar dates (year, month, day) related to the individual's private life.⁵⁰ For women, it is not even chronological "bindings", but emotional experiences, which are part of everyday experience, that are more significant for remembering. Researchers often mention them, but only when they say that there are certain cultural and social "rules" governing the understanding and interpretation of everyday ones. I am not talking about "biological heritage", which, from the point of view of traditional (non-gender) psychology, defines "interpretation, evaluation, manifestations of emotions and their construction in social interaction". Sources of emotional reaction, receptors, structure, expression and the experience that follows – such is the "scheme" of any emotional reaction to an event (incident).⁵¹ However, this "scheme" has large ethnocultural, historical, chronological variations.⁵² It is culture and epoch that determine emotional reactions; therefore, the same emotional stimulus can provoke such reactions as anger, fear, pride, or disappointment. There are undoubted gender differences in the types of emotional reactions to the same event⁵³, it is where psychologists look for explanations of discrepancies that discrepancies begin. Supporters of the gender concept believe that the reason consists primarily in different ways of socializing different-sex children, which causes children different types of emotional reactions, and not at all in

⁴⁸ M. Ross, "Validating memoirs," in N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, C. Brainerd. *Memory for everyday and emotional events* (Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers), 51–69.

⁴⁹ For the first time, the need to study this issue was posed in the 1970s. See in: A.D. Baddeley, V. Lewis, and I. Nimmo-Smith, "When did you last...?" in M.M. Gruneberg, P.E. Morris, and R.N. Sykes. *Practical aspects of memory* (New York: Cambridge University Press, 1978), 77–83; N.L. Pushkareva, "Write Yourself!" Objectives of the study of early female autobiographies" in *Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach* (Wien: Sonderband 55, 2002), 333–349.

⁵⁰ J.A. Robinson, "Temporal reference systems and autobiographical memory." In D.C. Rubin, *Autobiographical memory* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 59–188; L.W. Barsalou, "The content and organization of autobiographical memories," in U. Neisser, E. Winograd. *Remembering reconsidered* (New York; Cambridge: Cambridge University Press, 1988), 193–243; N.L. Pushkareva, "Pamyat' o povsednevnom zhenshchin iz sredey nauchnykh rabotnikov," [The memory of everyday women from the scientific community] in *Aktual'nyye problemy iz istoricheskogo poshlogo i sovremennosti v obshchestvenno-gumanitarnykh i sotsio-religiyevedcheskikh naukakh Belarusi, blizhnego i dal'nego zarubezh'ya* [Actual problems from the historical vulgar and modern in the social, humanitarian and socio-religious sciences of Belarus, near and far abroad] (Vitebsk: VGU P. M. Masherova, 2007), 303.

⁵¹ P. Eckman, and W.V. Friesen, "Constants across cultures in the face and emotion," *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 17 (1971): 124–129.

⁵² C. Lutz, "Parental goals, ethnopsychology, and the emotional meaning," *Ethos*, no. 11 (1983): 246–262; C. Lutz, G.M. White, "The anthropology of emotions," *Annual Review of Anthropology*, no. 15 (1986): 405–436.

⁵³ J.G. Alien, D.M. Haccoun, "Sex differences in emotionality: A multidimensional approach," *Human Relations*, no. 29 (1976): 711–722; J. Kuebli, R. Fivush, "Gender differences in parent-child conversations about past emotions," *Sex Roles*, no. 27 (1992): 683–698.

the basic physiological differences between men and women (as “ordinary” researchers believe).⁵⁴

A common feature in the assessments of psychologists of these areas is the conviction that mothers show greater communicative links and greater empathy in relations with daughters (especially when experiencing negative emotions and events that caused them).⁵⁵ Women generally speak (and write) about emotional life more often than men, which also (according to gender psychologists) is a consequence of the development of this psychological need in women by society. It is for the same reason that women are more normative in their reactions⁵⁶ – when they are expected to express “condolences”, they sympathize, when they are expected to cry, they cry, etc.

Men most often talk about work in their autobiographies. The female presence in their stories about the past cannot be called minimal, but it is only included in them to some degree⁵⁷, therefore, according to a German researcher who interviewed Swiss men born in the 1920s–1930s, the female characters in their autobiographies are either secondary, or “vague” in their roles in the “everyday scene”.⁵⁸ A. Lehmann called stories about family life in men’s “life histories” “a black hole in male autobiographies”⁵⁹: men talk primarily about work, the second frequent topic being stories about serving in the army (or, sometimes, thematization of political orientations and preferences) and, finally, (speaking the recollections of men who grew up in the former GDR and are currently living in the territory of the former East Germany), sports.⁶⁰

The gender approach to analyzing collected texts found itself in the initial premises of the interpreter-researchers: they state that both “biography” and “gender” are inseparable social constructs [which, of course, shows that structural functionalism and social constructivism remain their common methodological approach to research]. The consequence of this is the type of teaching ability to talk about oneself which leads to

⁵⁴ P. Davis, *Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991)*. London: La Grange, 1991); R. Fivush, “Gender and emotion in mother-child conversations about the past,” *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 325–334.

⁵⁵ C. Zahn-Waxler, P. Cole, and K. Barrett, “Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression,” in J. Garber, and K. Dodge. *The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development* (New York-Cambridge: Cambridge University Press, 1991): 141–164.

⁵⁶ J.G. Alien, and J.H. Hamsher, “The development and validation of a test of emotional styles,” *Journal of Counseling and Clinical Psychology*, no. 42 (1974): 663–668.

⁵⁷ B. Dausien, “Die biographische Konstruktion von Geschlecht,” in N. Schneider, R.A. Mall, and D. Lohmar, *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen* (Amsterdam: Atlanta, 1998), 256–275; N. Hawkins, “Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern,” in M. Kohli, and G. Robert, *Biographie und soziale Wirklichkeit* (Stuttgart: Böhnisch, 1984), 217–238.

⁵⁸ K. Trüeb, “Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten,” in G. Spuchler. *Vielstimmiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History* (Zürich: Chronos, 1994), 79–94.

⁵⁹ A. Lehmann, *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen* (Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1983), 239.

⁶⁰ S. Sholts, “Zabelezhitelnoto otsüstvie na zheni v biografichnite razkazi na iztochnogermanski mützhe,” *Bülgarska etnologiya*, no. 4 (2004): 5–23; S. Scholz, “Männlichkeiten erforschen,” *Potsdamer Studien zur Frauen-und Geschlechterforschung*, no. 1–2 (2000): 6–21.

the results obtained (men do not talk about their emotional, family, private life)⁶¹ – even obvious events of emotional and private life, are ultimately given a different meaning (during subsequent reflection and recollection retelling); the presence of a “tension line” between male hegemony in the existing social order and the destructive tendency of legal equality (equal pay for equal work regardless of gender).⁶²

The second obvious conclusion when comparing male and female autobiographies is the individualization and independence of one’s own *Self* in stories about life: for every man his masculinity is a “competitive structure” in his own recollection stories, and therefore, it assumes that the narrator talks only about himself.⁶³

The third conclusion: the comparability of male ideas about ideal masculinity for each age cohort: with certain personal features, almost all men of all ages include such characteristics as professionalism, realism in the assessment of the surrounding reality, and personal responsibility in the image of the “real man”; and, as if everyone is in collusion, no one tries to assess the degree of masculinity through attitudes towards women. Men’s autobiographies are simply poor in such plots: men even try to answer direct questions (How did you meet your spouse?) evasively, with excuses, briefly. In the case of the interviewer’s perseverance, sometimes it is even not joyful events, which brought together their families in the past and the present, that they recall, but the “problem areas” of family life, e.g., dissatisfaction with the wife’s too high professional engagement. However, we should not forget that the sex of the researcher, the story-collector, is also of importance when accumulating material about men’s lives: when talking to a female interviewer, the narrator describes the same life events differently than in the case with a male interviewer (in the latter case, there is a male community that emerges immediately, and, at the same time, hierarchies typical for relations between men).⁶⁴

Gender aspect of studying the psychology of memory: main results

Difficulties and discrepancies in the interpretation of the results obtained about differences in male and female assessments of events are usually explained by a simplified approach to systematizing the emotional reactions “recorded” in the memory of individuals. In conventional research schemes, they are simply divided into negative and positive, while in reality, emotional reactions are not reducible to a simple scheme or to the two categories indicated above. R. Fivush, who was particularly engaged in the study of emotional experiences in stories about the past by representatives of different generations, noted that almost all women tend to view the “emotional” as the basis of interpersonal constructs, and men tend to assume that it constructs the individual, pri-

⁶¹ B. Dausien, “Die biographische Konstruktion von Geschlecht,” in N. Schneider, R.A. Mall, and D. Lohmar. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen* (Amsterdam: Atlanta, 1998), 565.

⁶² H. Keupp, *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne* (Herbolzheim: Rowohlt, 2000).

⁶³ M. Meuser, *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster* (Opladen: Leske + Budrich, 1998), 16.

⁶⁴ S. Scholz, *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer* (Münster: Westfaelisches Dampfboot, 2004).

vate world of a person.⁶⁵ In addition, the verbal palette for describing the experiences is incomparably wider in women and girls than in men.⁶⁶

How possible is it to combine individual autobiographical narratives – male or female – for memory analysis? What techniques can be offered here? In order to formalize the material described in autobiographies (life stories, recollections, etc.), some researchers propose to separate individual episodes of biographies (personal memory) and common, “recollected” memory (similar episodes of biographies of representatives of the same social class, generation and so on.) – “a set of similar individual life episodes”⁶⁷, which were not something special, distinguished for memorization, but were firmly imprinted in the memory, as time passed.

An important aspect of the psychological study of memory is the question of *whose* memory the text reproduces, and the answer to it lies in what causes the recollection of this or that event, what is the reason for writing the autobiography, who – in a simpler case – demands, “Recall!” (and consequently, “Forget!” regarding other information). In a broader sense, this is a question of the interaction of an individual and the cultural stereotypes which construct his or her “remembrance” and make him or her omit something that is not essential for society. T. Trabasso, who studied the influence of these stereotypes, came to the conclusion that memorization from this point of view is determined by social roles, knowledge, beliefs, attitudes, values, social connections and relations, the ability to use language to express these experiences (linguistic competence), motivation for respect for one person or another.⁶⁸ In the relationship between an adult and a child, the question of whose memory is reproduced by a recollection is particularly acute; however, in the relationship between, e.g. a journalist and a narrator, an ethnographer and a respondent, this question turns out to be relevant, although more hidden.⁶⁹

⁶⁵ R. Fivush, and J. Kübli, “Making Everyday Events Emotional: The Construal of Emotion in Parent-Child Conversations About the Past,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997) 239–267.

⁶⁶ S. Engel, “The role of mother-child interaction in autobiographical recall,” in J.A. Hudson, *Learning to talk about the past. Symposium conducted at the Conference on Human Development* (Nashville: Cambridge University Press, 1986); P. Miller, “Narrative practices: Their role in socialization and self-construction,” in U. Neisser, and R. Fivush. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative* (New York: Plenum, 1994), 158–179.

⁶⁷ W.F. Brewer, “Children’s Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research,” in N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events* (Chicago: [S.n.], 1997), 453–467; N.L. Pushkareva, “Obshchaya liniya zhizni i reprezentatsiya uspekhov v avtobiografiyakh i avtobiograficheskikh interv’y u zhenshchin-uchenykh,” [General line of life and representation of success in autobiographies and autobiographical interviews of women scientists] *Tractus aevorum*, no. 1 (2014): 15–28.

⁶⁸ T. Trabasso, and S. Suh, “Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory,” *Discourse Processes*, no. 16 (1993): 3–34; T. Trabasso, S. Sun, and P. Payton, “Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events,” in M.A. Gernsbacher, and T. Givon. *Text coherence as a mental entity* (Amsterdam: John Benjamins, 1995), 189–214.

⁶⁹ “Polovaya differentsiatsiya v zerkale feministskoy psikhologii,” [Sexual differentiation in the mirror of feminist psychology] *Sotsial’nyye i gumanitarnyye nauki. Seriya sotsiologiya*, no. 3–4, 1993;

Finally, the written text of the recollections always contains the author's intention to take them down – it also derives from the factors listed above (values, beliefs, etc.). It is not surprising that, wishing to remove the mediation described above, psychologists (and not at all adherents of feminist anthropology, in which the requirement below is one of the fundamental ones) are now actively proposing to conduct audio and video recording of reported recollections, in order to obtain additional information about what is hidden intentionally or unwillingly, to analyze non-verbal interactions.⁷⁰

Ultimately, the analysis of poorly researched female autobiographies (which are even referred to as *autogynographies* in feminist literature) versus male or autonomous ones is the basis for the tactics of building one of the grounded theory about the functioning of the female community. The unrealized task so far consists not so much in confirming or verifying existing opinions and assessments concerning the texts themselves, but in creating – through testing hypotheses – some mini-theory concerning certain general social female experience or, more precisely, the survival of women in the male community. Of course, the experience of historical analysis, “oral history” helps to fill those pages of women's history that have been documented scarcely and poorly. Therefore, women's autobiographies are a way to create a “databank”, an “archive of women's history”; to enrich the knowledge about the socio-historical context of women's life in different historical eras. Externally similar facts of life, sometimes hide different social meanings of human actions, social behavior of individuals. The discovery of the gender aspect of these differences is a heuristically relevant and important research task.⁷¹

© Пушкарёва Н.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 19 октября 2018 г.

Submitted: 19 October 2018

Библиографический список

- Аскин В. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в искусстве. М.: Наука, 1974. С. 63–73.
- Бушканец Е.Г. Мемуарные источники. Казань: Казанский пед. институт, 1975.
- Вересаев В.В. Пушкин в жизни М.: Советский писатель, 1936.
- Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Советский писатель, 1971.
- Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск: Наука и техника, 1986.

N.L. Pushkareva, “Memuary i avtobiografii zhenshchin kak issledovatel'skiy «poligon» dlya izucheniya “zhenskogo pis'ma”.” [Memoirs and autobiographies of women as a research “testing ground” for the study of ‘female letters’] In *Ye.R. Dashkova i XVIII vek. Traditsii i novyye podkhody* [Ye.R. Dashkova and the XVIII century. Traditions and New Approaches]. Moscow: MGI Ye.R. Dashkovoy Publ., 2012, 224–241.

⁷⁰ T. Trabasso, “Whose memory is it? The Social context of remembering,” in N.L. Stein, *Memory for everyday and emotional events*, 429–445.

⁷¹ S.B. Gluck, and D. Patai, *Women's Words: The feminist Practice of Oral History* (New York: The Feminist Press, 1991); C. Ellis, and A.P. Bocher, *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing* (California: Walnut Creek, CA, 1996), <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlelet/history/women.html>.

- Голубцов В.С. Мемуары как источников по истории советского общества. М.: Издательство Московского университета, 1970.
- Голубева Е.И. Лингвостилистические средства выражения объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии. Дисс. ... к. фил. н. М.: [Б.и.], 1987.
- Гинзбург А.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература (Ленинградское отделение), 1971.
- Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 392.
- Елчинова М. Автобиографичният разказ като самопредставяне // Българский фолклор. 1994. № 6.
- Кестен С.А. Повествовательный стиль автобиографических произведений Рене. Ташкент: Изд-во Ташкентского университета, 1970.
- Кузнецов М. Мемуарная проза // Жанрово-стилистические искания современной советской прозы. М.: Наука, 1971. С. 120–148.
- Ланищев А. Обязанности свидетеля, права художника // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 45–131.
- Левицкий Л. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 759.
- Левковская Н.А. Категория времени как одно из средств связи текста мемуарного жанра // Сборник научных трудов ин-т им. М.Тореза. М.: Институт им. М.Тореза. 1981. С. 19–25.
- Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Средне-урал. кн. изд-во, 1982.
- Лежён Ф. Сто лет борьбы с автобиографией // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 110–121.
- Макашин С.А. Предисловие // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1957.
- Мережинская А.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза 70-х гг. (проблематика и поэтика). Автореф. ... канд. филолог. Наук. Киев: [Б.и.], 1981.
- Подорога В.П. Автобиография. М.: Логос, 2001.
- Покровский М.Н. Мемуары участников революции // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 7–8.
- Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70.
- Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Е.А. Вишленкова. Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 241–274.
- Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя!» Задачи исследования ранних женских автобиографий // Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 55. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2002. P. 333–349.
- Пушкарёва Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus aevorum. 2014. № 1. С. 15–28.
- Пушкарёва Н.Л. Память о повседневном женщине из среды научных работников // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2007. С. 303–313.
- Пушкарёва Н.Л. Мемуары и автобиографии женщин как исследовательский «полигон» для изучения «женского письма» // Л.В. Тычинина. Е.Р. Дашкова и XVIII век. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012. С. 224–241.
- Савкина И.Л. Автодокументальные русские тексты первой половины XIX в. Tampere: University of Tampere, 2000.
- Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980.
- Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 2–3. С. 35–55.
- Урбан А. Художественная автобиография и документ // Звезда. 1977. № 2. С. 192–208.
- Фридлов Ф.Ф. Литературные силуэты // Новое словј. 1914. № 1. С. 68–75.
- Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. М.: МГИАН МВО СССР, 1959.
- Черноморский М.Н. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М.: Высшая школа, 1961.
- Шайтанов И. Непроявленный жанр // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 50–77.

- Шоц С. Забележителното отсъствие на жени в биографичните разкази на източногермански мъже // Българска етнология. 2004. № 2. С. 5–23.
- Янская И.С., Кардин Э.В. Пределы достоверности. Очерки документальной литературы. М.: Советский писатель, 1981.
- Andrew J. Women in Russian Literature, 1780–1863. Basingstoke and London: Macmillan, 1988.
- Alien J.G., Haccoun D.M. Sex differences in emotionality: A multidimensional approach // *Human Relations*. 1976. № 29. P. 711–722.
- Alien J.G., Hamsher J.H. The development and validation of a test of emotional styles // *Journal of Counseling and Clinical Psychology*. 1974. № 42. P. 663–668.
- Aroutunova B. *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1994.
- Baddeley A.D., Lewis V., Nimmo-Smith I. When did you last... ? // Gruneberg M.M., Morris P.E., Sykes R.N. *Practical aspects of memory*. New York: Cambridge University Press, 1978. P. 77–83.
- Balina M. Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self // *A/B (Auto/Biography Studies)*. 1996. № 2. P. 3–7.
- Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories // Neisser U., Winograd E. *Remembering reconsidered*. New York – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 193–243.
- Bransford J.D. *Learning, understanding, and remembering*. Belmont (CA): Wadsworth, 1979.
- Brewer W.F. Children's Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research // Stein N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997. P. 453–467.
- Bower G. Emotion and memory // Christianson S.A. *Handbook of emotion and memory*. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1992. P. 3–31.
- Christianson S.A. Emotional stress and eyewitness memory: A critical review // *Psychological Bulletin*. 1992. № 2. P. 284–309.
- Davis P. Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991). London: La Grange, 1991.
- Dausien B. Die biographische Konstruktion von Geschlecht // Schneider N., Mall R.A., Lohmar D. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen*. Amsterdam-Atlanta: [S.n.], 1998. P. 256–275.
- Dausien B. Die biographische Konstruktion von Geschlecht // Schneider N., Mall R.A., Lohmar D. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen*. Amsterdam-Atlanta: [S.n.], 1998. P. 565.
- Eckman P. *Telling lies*. New York: Norton, 1985.
- Eckman P., Friesen W.V. Constants across cultures in the face and emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. № 17. P. 124–129.
- Engel S. The role of mother-child interaction in autobiographical recall // Hudson J.A. *Learning to talk about the past*. Symposium conducted at the Conference on Human Development. Nashville (TN): Cambridge University Press, 1986. P. 196–206.
- Ellis C., Bocher A.P. *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing*. California: Walnut Creek, 1996. URL: <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlet/history/women.html>
- Fivush R. Gender and emotion in mother-child conversations about the past // *Journal of Narrative and Life History*. 1991. № 1. P. 325–334.
- Fivush R., Kübli J. Making Everyday Events Emotional: The Construal of Emotion in Parent-Child Conversations About the Past // Stein N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997. P. 239–267.
- Goodman G., Hirshman J., Hepps D., Rudy L. Children's memory for stressful events // *Merrill-Palmer Quarterly*. 1991. № 1. P. 109–158.
- Glagau H. *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle*. Marburg: Elwert, 1903.
- Gluck S.B., Patai D. *Women's Words: The feminist Practice of Oral History*. New York: The Feminist Press, 1991.
- Gusdorf G. *Conditions and Limits of Autobiography (1956)* // Olney J. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1980. P. 28–48.

- Harris J.G. Diversity of Discourse: Autobiographical Statements // *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990. P. 14–24.
- Hawkins N. Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern // Kohli M., Robert G. *Biographie und soziale Wirklichkeit*. Stuttgart: Böhnisch, 1984. P. 217–238.
- Keupp H. Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. Herbolzheim: Rowohlt, 2000.
- Kuebli J., Fivush R. Gender differences in parent-child conversations about past emotions // *Sex Roles*. 1992. № 27. P. 683–698.
- Lehmann A. *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1983.
- Linton M. Transformations of memory in everyday life // Neisser U. *Memory observed*. San Francisco: Freeman, 1982. P. 77–91.
- Huxley A. *The genius and the goddess*. New York: Harper and Brothers, 1955.
- Lutz C. Parental goals, ethnopscyhology, and the emotional meaning // *Ethos*. 1983. № 11. P. 246–262.
- Lutz C., White G.M. The anthropology of emotions // *Annual Review of Anthropology*. 1986. № 15. P. 405–436.
- Mandler J.M. The development of event memory // Klix K., Hagendorf H. *Human memory and cognitive capabilities*. Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 459–467.
- Miller P. Narrative practices: Their role in socialization and self-construction // Neisser U., Fivush R. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative*. New York: Plenum, 1994. P. 158–179.
- Meuser M. *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. Opladen: Leske + Budrich, 1998.
- Nelson K. Remembering and telling: A developmental story // *Journal of Narrative and Life History*. 1991. № 1, no. 1. P. 109–128.
- Ranke von L. *Denkwürdigkeiten der Staatskzlers Fursten von Hardenberg (1793–1813)*. Berlin: Dunker & Humblot, 1877.
- Robinson J.A. Temporal reference systems and autobiographical memory // Rubin D.C. *Autobiographical memory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 159–188.
- Ross M., Holmberg D. Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship // Olson J.M., Zanna M.P. *Self-inference processes. The Ontario Symposium*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1990. P. 135–152.
- Ross M. Validating memoirs // Stein N.L., Ornstein P., Tversky B., Brainerd C. *Memory for everyday and emotional events*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. P. 51–69.
- Scholz S. *Männlichkeiten erforschen // Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung*. 2000. № 1–2. P. 6–21.
- Scholz S. *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer*. Münster: Westfaelisches Dampfboot, 2004.
- Stein N.L., Liwag M.D. *Parents' and children's memory for real-life emotional events*. Chicago: University of Chicago, 1994.
- Stein N.L. Children's memory for emotional events. Implications for testimony // Pezdek K., Banks W.P. *The recovered memory*. San Diego (CA): Academic Press, 1997. P. 297–311.
- Stein N.L., Ornstein P., Tversky B., Brainerd C. *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference*. Mahwah (New Jersey): Erlbaum, 1997.
- Trabasso T., Suh S. Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory // *Discourse Processes*. 1993. № 16. P. 3–34.
- Trabasso T., Sun S., Payton P. Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events // Gernsbacher M.A., Givon T. *Text coherence as a mental entity*. Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 189–214.
- Trabasso T. Whose Memory Is It? The Social Context of Remembering // Stein N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: Chicago University, 1997. P. 429–445.

- Trüeb K. Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten // Spuchler G. Vielstimmiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History. Zürich: Chronos, 1994. P. 79–94.
- Zahn-Waxler C., Cole P., Barrett K. Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression // Garber J., Dodge K. The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development. New York-Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 141–164.

References

- Andrew, J. *Women in Russian Literature, 1780–1863*. Basingstoke; London: Macmillan Publ., 1988.
- Alien, J.G., and Haccoun, D.M. “Sex differences in emotionality: A multidimensional approach.” *Human Relations*, no. 29 (1976): 711–722.
- Alien, J.G., and Hamsher, J.H. “The development and validation of a test of emotional styles.” *Journal of Counseling and Clinical Psychology*, no. 42 (1974): 663–668.
- Askin, V. “Kategoriya budushchego i printsipy yeye voploshcheniya v iskusstve.” In *Ritm, prostranstvo i vremya v iskusstve*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Aroutunova, B. *Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers Publ., 1994.
- Baddeley, A.D., Lewis, V., and Nimmo-Smith, I. “When did you last... ?” In M.M. Gruneberg, P.E. Morris, R. N. Sykes. *Practical aspects of memory*. New York: Cambridge University Press Publ., 1978.
- Balina, M. “Introduction: Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self.” *A/B (Auto/Biography Studies)*, no. 2 (1996): 3–7.
- Barsalou, L.W. “The content and organization of autobiographical memories.” In Neisser U., Winograd E. *Remembering reconsidered*. New York; Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1988.
- Bower, G. “Emotion and memory.” In S. A. Christianson. *Handbook of emotion and memory*. Hillsdale (NJ): Erlbaum Publ., 1992.
- Bransford, J.D. *Learning, understanding, and remembering*. Belmont (CA): Wadsworth Publ., 1979.
- Brewer, W.F. “Children’s Eyewitness Memory Research: Implications From Schema Memory and Autobiographical Memory Research.” In Stein, N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997.
- Bushkanets, Ye.G. *Memuarnyye istochniki*. Kazan’: Kazanskiy ped.institut Publ., 1975 (in Russian).
- Chernomorskiy, M.N. *Memuary kak istoricheskiy istochnik*. Moscow: MGIAN MVO SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Chernomorskiy, M.N. *Rabota s memuarami pri izuchenii istorii KPSS*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1961 (in Russian).
- Christianson, S. A. “Emotional stress and eyewitness memory: A critical review.” *Psychological Bulletin*, no. 2 (1992): 284–309.
- Dausien, B. “Die biographische Konstruktion von Geschlecht.” In N. Schneider, R.A. Mall, D. Lohmar. *Einheit und Vielfalt. Das verstehen der Kulturen*. Amsterdam: Atlanta Publ., 1998 (in German).
- Davis, P. *Gender differences in autobiographical memory. Paper presented at the NATO Advanced Research Conference: Theoretical perspectives on autobiographical memory (July 1991)*. London: La Grange Publ., 1991.
- Eckman, P., and Friesen W.V. “Constants across cultures in the face and emotion.” *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 17 (1971): 124–129.
- Eckman, P. *Telling lies*. New York: Norton Publ., 1985.
- Engel, S. “The role of mother-child interaction in autobiographical recall.” In J.A. Hudson. *Learning to talk about the past. Symposium conducted at the Conference on Human Development*. Nashville: Cambridge University Press Publ., 1986.
- Ellis, C., and Bocher, A.P. *Composing Ethnography: alternative forms of Qualitative Writing*. California: Walnut Creek Publ., 1996. <http://frank.mtsu.edu/~kmiddlet/history/women.html>
- Fridlev, F.F. “Literaturnyye siluety.” *Novoye slovy*, no. 1 (1914): 68–75 (in Russian).
- Fivush, R. “Gender and emotion in mother-child conversations about the past.” *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 325–334.

- Fivush, R., and Kübli, J. "Making everyday events emotional: The construal of emotion in parent-child Conversations about the past." In Stein, N.L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: [S.n.], 1997.
- Gal'perin, I.R. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1971 (in Russian).
- Garanin, L.Ya. *Memuarnyy zhanr sovetskoy literatury*. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1986 (in Russian).
- Golubtsov, V.S. *Memuary kak istochnikov po istorii sovetskogo obshchestva*. Moscow: Moscow University Publ., 1970 (in Russian).
- Golubeva, Ye.I. *Lingvostilisticheskiye sredstva vyrazheniya ob'yektivnogo i sub'yektivnogo faktorov v zhanre avtobiografii*. PhD (Philology) diss. Moscow: [S.n.], 1987 (in Russian).
- Goodman, G., Hirshman, J., Hepps, D., and Rudy, L. "Children's memory for stressful events" *Merrill-Palmer Quarterly*, no. 1 (1991): 109–158.
- Glagau, H. *Die moderne Selbstbiographie als historische Quelle*. Marburg: Elwert Publ., 1903 (in German).
- Gluck, S.B., and Patai, D. *Women's Words: The feminist Practice of Oral History*. New York: The Feminist Press Publ., 1991.
- Ginzburg, A.Ya. *O psikhologicheskoy proze*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971 (in Russian).
- Gurevich, A.Ya. "Sotsial'naya psikhologiya i istoriya. Istochnikovedcheskiy aspekt." In *Istochnikovedeniye. Teoreticheskiye i metodologicheskiye problem*. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Gusdorf, G. "Conditions and Limits of Autobiography." In Olney, J. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton (New Jersey): Princeton University Press Publ., 1980.
- Harris, J.G. "Diversity of Discourse: Autobiographical Statements." In *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*. Princeton (NJ): Princeton University Press Publ., 1990.
- Hawkins, N. "Die Relevanz der Familie in der biographischen Selbstdeutung von Männern." In Huxley, A. *The genius and the goddess*. New York: Harper and Brothers Publ., 1955.
- Kesten, S.A. *Povestvovatel'nyy stil' avtobiograficheskikh proizvedeniy Rene*. Tashkent: Izd-vo Tashkent-skogo universiteta Publ., 1970 (in Russian).
- Keupp, H. *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne*. Herbolzheim: Rowohlt. Publ., 2000.
- Kuebli, J., and Fivush, R. "Gender differences in parent-child conversations about past emotions." *Sex Roles*, no. 27 (1992): 683–698.
- M. Kohli, and G. Robert. *Biographie und soziale Wirklichkeit*. Stuttgart: Böhnisch Publ., 1984 (in German).
- Kuznetsov, M. "Memuarnaya proza." In *Zhanrovo-stilisticheskiye iskaniya sovremennoy sovetskoy prozy*. Moscow: Nauka Publ., 1971 (in Russian).
- Lanshchikov, A. "Obyazannosti svidetelya, prava khudozhnika." *Voprosy literatury*, no. 4 (1974): 45–131 (in Russian).
- Levitskiy, L. "Memuary." In *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967 (in Russian).
- Levkovskaya, N.A. "Kategoriya vremeni kak odno iz sredstv svyazi teksta memuarnogo zhanra." In *Sbornik nauchnykh trudov in-t im. M.Toreza*. Moscow: Institut im. M. Toreza Publ., 1981 (in Russian).
- Leyderman, N.L. *Dvizheniye vremeni i zakony zhanra*. Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing Publ., 1982 (in Russian).
- Lezhon, F. "Sto let bor'by s avtobiografiyey." *Inostrannaya literature*, no. 4 (2000): 110–121 (in Russian).
- Lehmann, A. *Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiografische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag Publ., 1983 (in German).
- Linton, M. "Transformations of memory in everyday life." In U. Neisser. *Memory observed*. San Francisco: Freeman Publ., 1982.
- Lutz, C., and White, G. M. "The anthropology of emotions." *Annual Review of Anthropology*, no. 15 (1986): 405–436.
- Lutz, C. "Parental goals, ethnopsychology, and the emotional meaning." *Ethos*, no. 11 (1983): 246–262.
- Mandler, J. M. "The development of event memory." In K. Klix, H. Hagendorf. *Human memory and cognitive capabilities*. Amsterdam: Elsevier Publ., 1986.

- Makashin, S.A. "Predisloviye." In *M.Ye. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow: State Fiction Publ., 1957 (in Russian).
- Merezhinskaya, A.Yu. *Memuarno-avtobiograficheskaya proza 70-kh gg. (problematika i poetika)*. PhD (Philology) diss. Kiyev: [S.n.], 1981 (in Russian).
- Meuser, M. *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. Opladen: Leske + Budrich Publ., 1998 (in German).
- Miller, P. "Narrative practices: Their role in socialization and self-construction." In U. Neisser, R. Fivush. *The remembering self: Construction and accuracy in the life narrative*. New York: Plenum Publ., 1994.
- Nelson, K. "Remembering and telling: A developmental story." *Journal of Narrative and Life History*, no. 1 (1991): 109–128.
- Podoroga, V.P. "Vopros o metode." In V.P. Podoroga. *Avtobiografiya*. Moscow: Logos Publ., 2001 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. "Memuary uchastnikov revolyutsii." *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 1 (1921): 7–8 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii." *Filologicheskiye nauki*, no. 3 (2000): 62–70 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "'Pishite sebya!' (Gendernyye osobennosti pis'ma i chteniya)." In Ye.A. Vishlenkova. *Sotvoreniye istorii. Chelovek. Pamyat'. Tekst*. Kazan': Master Layn Publ., 2001 (in Russian).
- Pushkareva N.L. "'Pishite sebya!' Zadachi issledovaniya rannikh zhenskikh avtobiografii." In *Gender-Forschung in der Slawistik. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 55*, 333–349. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2002 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Obshchaya liniya zhizni i reprezentatsiya uspeshnosti v avtobiografiyakh i avtobiograficheskikh interv'yu zhenshchin-uchenykh." *Tractus aevorum*, no. 1 (2014): 15–28 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Pamyat' o povsednevnom zhenshchin iz srede nauchnykh rabotnikov." In *Aktual'nyye problemy iz istoricheskogo poshlogo i sovremennosti v obshchestvenno-gumanitarnykh i sotsio-religiyevedcheskikh naukakh Belarusi, blizhnego i dal'nego zarubezh'ya*, 303–313. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova Publ., 2007 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. "Memuary i avtobiografii zhenshchin kak issledovatel'skiy «poligon» dlya izucheniya 'zhenskogo pis'ma'." In L.V. Tychinina. *Ye.R. Dashkova i XVIII vek*. Moscow: MGI im. Ye.R. Dashkovoy Publ., 2012 (in Russian).
- Ranke, L. von. *Denkwürdigkeiten der Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg (1793–1813)*. Berlin: Dunker & Humblot Publ., 1877 (in German).
- Robinson, J. A. "Temporal reference systems and autobiographical memory." In D.C. Rubin. *Autobiographical memory*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1986.
- Ross, M., and Holmberg, D. "Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship." In J.M. Olson, M.P. Zanna. *Self-inference processes: The Ontario Symposium*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers Publ., 1990.
- Ross, M. "Validating memoirs." In N.L. Stein, P. Ornstein, B. Tversky, C. Brainerd. *Memory for everyday and emotional events*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers Publ., 1997.
- Savkina, I.L. *Avtodokumental'nyye russkiye teksty pervoy poloviny XIX v.* Tampere: University of Tampere, 2000 (in Russian).
- Scholz, S. *Männlichkeit erzählen. Lebensgeschichtliche Identitätskonstruktionen ostdeutscher Männer*. Münster: Westfaelisches Dampfboot Publ., 2004 (in German).
- Scholz, S. "Männlichkeiten erforschen." *Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung*, no. 1–2 (2000): 6–21 (in German).
- Sholts, S. "Zabelezhitelnoto ots'tviye na zheni v biografichnite razkazi na iztochnogermanski m"zhe." *B'lgarska yetnologiya*, no. 2 (2004): 5–23 (in Russian).
- Shaytanov, I. "Neproayavlennoy zhanr." *Voprosy literatury*, no. 2 (1979): 50–77 (in Russian).
- Sholts, S. "Zabelezhitelnoto ot-süstvie na zheni v biografichnite razkazi na iztochnogermanski müzhe." *B'lgarska etnologiya*, no. 4 (2004): 5–23 (in Russian).
- Stein, N. L. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: University of Chicago Publ., 1997.

- Stein, N.L., and Liwag, M.D. *Parents' and children's memory for real-life emotional events*. Chicago: University of Chicago Publ., 1994.
- Stein, N.L., Ornstein, P., Tversky, B., and Brainerd, C. *Memory for everyday and emotional events. Papers presented at a conference, University of Chicago, May 1993*. Mahwah (New Jersey): Erlbaum Publ., 1997.
- Stein, N.L. "Children's memory for emotional events. Implications for testimony." In K. Pezdek, W.P. Banks. *The recovered memory / false memory debate*. San Diego (CA): Academic Press Publ., 1997.
- Veresayev, V.V. *Pushkin v zhizni*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1936 (in Russian).
- Tartakovskiy, A.G. *1812 god i russkaya memuaristika*. Moscow: Nauka Publ., 1980 (in Russian).
- Tartakovskiy, A.G. "Memuaristika kak fenomen kul'tury." *Voprosy literatury*, no. 2–3 (1999): 35–55 (in Russian).
- Trabasso, T. "Whose memory is it? The social context of remembering." In N.L. Stein. *Memory for everyday and emotional events*. Chicago: Chicago University Publ., 1997.
- Trabasso, T., and Suh, S. "Understanding text: achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory." *Discourse Processes*, no. 16 (1993): 3–34.
- Trabasso, T., Sun, S., and Payton, P. "Explanatory coherence in communication about narrative understanding of events." In M.A. Gernsbacher, T. Givon. *Text coherence as a mental entity*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 1995.
- Trüb, K. "Von der merkwürdigen Absenz der Frauen in männlichen Lebensgeschichten." In G. Spuchler. *Vielstimmiges Gedächtnis. Beiträge zur Oral History*. Zürich: Chronos Publ., 1994 (in German).
- Urban, A. "Khudozhestvennaya avtobiografiya i document." *Zvezda*, no. 2 (1977): 192–208 (in Russian).
- Yanskaya, I.S., and Kardin, E.V. *Predely dostovernosti. Ocherki dokumental'noy literatury*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1981 (in Russian).
- Yelchinova, M. "Avtobiografichniyat razkaz kato samopredstavlyane." *B'lgarskiy folklore*, no. 6 (1994) (in Russian).
- Zahn-Waxler, C., Cole, P., and Barrett, K. "Guilt and empathy: Sex differences and implications for the development of depression." In Garber, J., and Dodge, K. *The development of emotion regulation and dysregulation. Cambridge studies in social and emotional development*. New York; Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1991.

Информация об авторе / Information about the author

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Президент Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ).

Natalia L. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the sector of ethnic and gender studies, N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Association for the Study of Women's History (RAIZHI).